

«Белым был – красным стал»: Валентин Катаев и Всеволод Иванов

БОРИС
СОКОЛОВ

Валентин Петрович Катаев и Всеволод Вячеславович Ива́нов – известные советские писатели, авторы классических произведений социалистического реализма, занимавшие номенклатурные должности в официозных писательских организациях. Оба удостоены звания Героя Социалистического Труда. Катаев был главным редактором журнала «Юность», Иванов – редактором «Красной нови», председателем Литературного фонда и секретарем правления Союза писателей СССР. И парадоксальным образом, как и в случае с Николаем Тихоновым¹, «белый опыт» не только не помешал, но помог карьере Катаева и Иванова в советской литературе.

Борис Вадимович Соколов (р. 1957) – историк, филолог, член ассоциации ПЭН-Москва.

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ. ЗАСТЕНЧИВЫЙ БЕЛОГВАРДЕЕЦ

Валентин Катаев, в отличие от Тихонова, не скрывал, что в Первую мировую войну был офицером царской армии. Хотя не

1 Это вторая статья из миницикла, посвященного гипотезам – и уже установленным фактам – участия писателей-классиков соцреализма в гражданской войне в рядах белых армий. В первой рассказывается о предполагаемой службе Николая Тихонова в армии Юденича: Соколов Б. *Соцреалист во стане белых воинов?* // Неприкосновенный запас. 2022. № 5(146). С. 30–66.

ОТНОШЕНИЕ
К «СОВЕТАМ» –
ПЕРСОНАЛЬНЫЕ/
КОЛЛЕКТИВНЫЕ
СТРАТЕГИИ

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЛЫМ БЫЛ – КРАСНЫМ
СТАЛ»: ВАЛЕНТИН КАТАЕВ
И ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

вполне понятно, кончил он службу там прапорщиком или подпоручиком. Но в данном случае это вопрос не принципиальный. Своим биографам Катаев рассказывал, что весной 1919-го служил в Красной армии и командовал артиллерийской батареей, а в Одессу вернулся только после окончательного освобождения ее от белых, в феврале 1920 года². Однако документальных подтверждений службы Катаева в Красной армии до сих пор не найдено. Можно допустить, что в действительности Катаев у красных не служил, а выдумка про красную артиллерийскую батарею призвана замаскировать его реальную службу у белых.

Единственный раз в 1942 году, при заполнении личной карточки члена Союза писателей СССР на вопрос «Служил ли в армиях и отрядах, боровшихся против советской власти?» Катаев ответил: «Был мобилизован в 1920 году Деникиным, прослужил 4 дня в запасной артиллерийской бригаде, дезертировал»³. Здесь все было неправдой – и про мобилизацию, и про срок и место службы, и про то, что якобы в боях не участвовал, поскольку призван в запасной ардивизион.

Все эти утверждения опровергаются одним документом. В архиве семейства Буниных сохранилось катаевское письмо от 15 (28) октября 1919 года со станции Вапнярка, которое сопровождала пометка Веры Николаевны Муромцевой от 20 июня 1930 года: «Разбирала письма. Попалось письмо Катаева с белого фронта»:

«Дорогой учитель Иван Алексеевич, вот уже месяц, как я на фронте, на бронепоезде “Новороссия”. Каждый день мы в боях и под довольно сильным артиллерийским обстрелом. Но Бог пока нас хранит. Я на командной должности – орудийный начальник – и команду башней. Я исполняю свой долг честно и довольно хладнокровно и счастлив, что Ваши слова о том, что я не гожусь для войны, не оправдались. Работаю от всего сердца. Верьте мне. Пока мы захватили 5 станций. Это значительный успех.

Часто думаю о Вас. Несколько раз читал Ваши стихи в “Южном слове”. Они прекрасны. С каждым новым Вашим стихотворением я утверждаюсь во мнении, что Вы настоящий и очень большой поэт. Завтра напишу Вам большое письмо с приложением своих стихов, которые прошу пристроить в Одессе куда-нибудь, напр., в “Россию”. Привет Вере Николаевне.

Ваш Валентин Катаев»⁴.

Почему же в 1942-м крайне осторожный Катаев признал, пусть и с оговорками, свою службу в Вооруженных силах Юга

2 Галанов Б.Е. *Валентин Катаев. Размышления о Мастере и диалоги с ним*. М.: Художественная литература, 1989. С. 11.

3 Шаргунов С.А. *Катаев: «Логоня за вечной весной»*. М.: Молодая гвардия, 2016. С. 96.

4 *Устами Буниных. Т. 2* / Под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981. С. 221–222.

России? А вот почему. С середины октября 1941 года Одесса находилась под румынской оккупацией. В городе могли оставаться знакомые, видевшие Катаева в конце 1919-го или в начале 1920-го в форме и в офицерских погонах, и они вполне могли поделиться своими воспоминаниями в местной прессе. А это грозило Валентину Петровичу очень большими неприятностями. Поэтому он, упреждая потенциальную возможность разоблачения, решил заранее озвучить версию о четырехдневной службе у белых по мобилизации с последующим дезертирством. Между тем из тона катаевского письма Бунинным можно скорее заключить, что Катаев по своему желанию пошел служить в Добровольческую армию.

Точно так же не вызывает сомнения, что он и ранее служил в Добровольческой армии. 13 (26) февраля 1919 года Муромцева отметила в дневнике: «На “Среде” Валя Катаев читал свой рассказ о Кранце, Яну второй раз пришлось его прослушать»⁵. Здесь не говорится о военной службе Катаева, зато 21 марта (3 апреля) 1919 года Муромцева пишет: «Позвонил Катаев. Он вернулся совсем с фронта. [...] Радио: Клемансо пал. В 24 часа отзываются войска. Через 3 дня большевики в Одессе»⁶. В этот день из-за ложных слухов о падении французского кабинета министров под руководством Жоржа Клемансо было принято решение об эвакуации войск Антанты из Одессы. Очевидно, Катаев поступил в Добровольческую армию (она находилась в Одессе с декабря 1918-го) в период с конца февраля до марта 1919 года, но уже 3 апреля вернулся в Одессу. Был он добровольцем или попал в Добровольческую армию по мобилизации – не ясно, но вероятнее первое, так как мобилизация офицеров в тот период в Одессе толком не проводилась.

А вот по поводу целей пребывания Катаева в Одессе при большевиках в апреле–августе 1919 года и позднее, с февраля 1920-го, существуют прямо противоположные точки зрения. Вера Муромцева зафиксировала в дневнике 30 марта (12 апреля) 1919 года:

«Группа молодых поэтов и писателей, Катаев, Иркутов, с острым лицом и преступным видом, Олеша, Багрицкий и прочие, держали себя последними подлецами, кричали, что они готовы умереть за советскую платформу, что нужно профильтровать собрание, заткнуть рты буржуазным, обветшалым писателям. Держали себя они нагло, цинично и, сделав скандал, ушли. [...] Говорят, подоплека этого такова: во-первых, боязнь за собственную шкуру, так как почти все они были добровольцами, а во-вторых, им кто-то дал денег на альманах, и они боятся, что им мало перепадет»⁷.

5 Устами Буниных. Т. 1 / Под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1977. С. 100.

6 Там же. С. 105.

7 Там же. С. 109.

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЛЫМ БЫЛ – КРАСНЫМ
СТАЛ»: ВАЛЕНТИН КАТАЕВ
И ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЛЫМ БЫЛ – КРАСНЫМ
СТАЛ»: ВАЛЕНТИН КАТАЕВ
И ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

Возможно, в связи с этим инцидентом Бунин 25 апреля записал в «Окаянных днях»:

«Был В. Катаев (молодой писатель). Цинизм нынешних молодых людей прямо невероятен. Говорил: “За сто тысяч убью кого угодно. Я хочу хорошо есть, хочу иметь хорошую шляпу, отличные ботинки”»⁸.

Также весьма показательна запись в дневнике Муромцевой от 8 (21) апреля, из которой также можно заключить, что Катаев был добровольцем:

«Когда был у нас Федоров [писатель, познакомивший Катаева с Буниным. – Б.С.], мы рассказали ему о поведении Катаева на заседании. Александр Михайлович смеется и вспоминает, как Катаев прятался у него в первые дни большевизма:

– Жаль, что не было меня на заседании, – смеется он, – я бы ему при всех сказал: скидывай штаны, ведь это я тебе дал, когда нужно было скрывать, что ты был офицером»⁹.

Катаев работал в советском информационном агентстве – Бюро украинской печати (БУП) – и готовил культурную программу к празднованию Первомая 1919 года¹⁰. 15 (28) мая Муромцева записала в дневнике: «Охотников в Красную армию нашлось очень мало: почти никто не явился ни из буржуев, ни из пролетариата. Вероятно, начнутся скоро обыски и облавы. Будут искать уклоняющихся»¹¹. Вряд ли она упустила бы отметить, что Катаев пошел служить в Красную армию.

Сергей Шаргунов, автор вышедшей в 2016 году биографии Валентина Катаева, утверждает:

«Катаев оказался именно в 58-й дивизии – он сам сказал об этом критику Людмиле Скорино, что записано в ее книге “Писатель и его время”: “Я остался с четырьмя пушками. Стал командиром батареи. Нас примерно в районе будущего Днепрогэса переформировали. Дали лошадей, снаряды... Подчинили командиру пехотной части 58-й дивизии. Срочно бросили куда-то в сторону деникинского наступления. Мы доехали до Лозовой, дальше двигаться было нельзя”»¹².

Согласно Шаргунову, на службу в Красную 58-ю стрелковую дивизию Катаева забрали в мае, а в июне эшелон, в котором ехал Катаев, был разбит артиллерией белых, после чего писатель попал в Полтаву¹³.

8 Бунин И. А. *Окаянные дни*. М.: Современник. 1991. С. 75.

9 *Устами Буниных*. Т. 1. С. 113.

10 Шаргунов С. А. *Указ. соч.* С. 80.

11 *Устами Буниных*. Т. 1. С. 122.

12 Шаргунов С. А. *Указ. соч.* С. 89.

13 Там же. С. 694–695.

Факты опровергают эту версию. Начнем с того, что 58-я стрелковая дивизия Красной армии появилась только 27 июля 1919 года, когда этот номер был присвоен Крымской стрелковой дивизии¹⁴. К тому моменту, когда была сформирована 58-я стрелковая дивизия, станция Лозовая уже больше месяца была занята денкиинцами – и эшелон с Катаевым никак не мог прибыть туда из красной Одессы. 58-я стрелковая дивизия вообще не вела боев за Лозовую. Кроме того, совершенно непонятно, каким образом и когда Катаев мог попасть из Лозовой в Полтаву, а потом из Полтавы в Одессу. История со службой у красных понадобилась Катаеву для того, чтобы его произведения о гражданской войне воспринимались читателями, в том числе и в высоких номенклатурных кабинетах, как написанные человеком, сражавшимся на «правильной» стороне.

Раз Катаеву пришлось выдумывать для своего биографа историю с 58-й дивизией, становится весьма вероятным, что в действительности он в годы гражданской войны в Красной армии никогда не служил. В связи с этим весьма вероятной становится гипотеза Александра Немировского о том, что Катаев все время пребывания в Одессе красных, с апреля по август 1919 года, оставался в городе и продолжал работать в БУП¹⁵. Муромцева после долгого перерыва – с 12 (25) апреля – вновь упоминает Катаева только 24 августа (6 сентября) 1919 года:

«Вчера был Валя Катаев. Читал стихи. Он сделал успехи. Но все же самомнение его во много раз больше его таланта. Ян долго говорил с ним и говорил хорошо, браня и наставляя, советовал переменить жизнь, стать выше в нравственном отношении, но мне все казалось, что до сердца Вали его слова не доходили. Я вспомнила, что какая-то поэтесса сказала, что Катаев из конины. Впрочем, может быть, подрастет, поймет. Ему теперь не стыдно того, что он делает. Ян говорил ему: “Вы злы, завистливы, честолюбивы”. Советовал ему переменить город, общество, заняться самообразованием. Валя не обижался, но не чувствовалось, что он всем этим проникается»¹⁶.

Из этой записи следует, раз Бунин советовал Катаеву переменить город, то, следовательно, тот с апреля никуда из Одессы не выезжал. А то, что Бунин советовал младшему собрату по перу «переменить жизнь», может свидетельствовать в пользу того, что Катаев по-прежнему трудился в БУПе. Дневники Буниных опубликованы со значительными купюрами. В момент их публикации Катаев был еще жив, и публикатор могла воз-

¹⁴ <https://web.archive.org/web/20131029202148/http://grazdansk.abour.ru/1-0-20-0000083-000-0-0.html>.

¹⁵ НЕМИРОВСКИЙ А.А. *Гражданская война Валентина Катаева* (<https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9D/nemirovskij-aleksandr/grazhdanskaya-vojna-valentina-kataeva>).

¹⁶ *Устами Буниных. Т. 1. С. 147.*

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЛЫМ БЫЛ – КРАСНЫМ
СТАЛ»: ВАЛЕНТИН КАТАЕВ
И ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

держаться от обнародования каких-то компрометирующих его фрагментов. Но в то же время в издание вошло катаевское письмо от 15 (28) октября 1919 года, однозначно доказывающее, что он сражался на стороне белых. Судя по этому письму, Катаев оказался на фронте в 20-х числах сентября 1919-го. Это заставляет предположить, что он поступил на службу на бронепоезд «Новороссия» вскоре после зафиксированного Верой Николаевной разговора с Буниным и, возможно, под влиянием этого разговора.

Александр Немировский считает, что Катаев не просто так оставался в Одессе при большевиках, а состоял в подпольной белогвардейской организации. Единственным аргументом в пользу этой версии Немировский считает тот факт, что Катаева сразу же приняли на офицерскую должность командира орудийной башни бронепоезда¹⁷. Действительно, тех офицеров, которые ранее служили в Красной армии, в Добровольческую армию, как правило, брали рядовыми, чтобы прежде «искупили вину». Однако, судя по всему, в Красной армии Катаев не служил, а лишь работал в одном из советских учреждений. На такое осенью 1919 года деникинцы уже смотрели сквозь пальцы. В конце концов, Катаеву надо было где-то работать, чтобы получать паек и не умереть с голода, а несоветских учреждений при большевиках в Одессе не было. Артиллеристы же белым были нужны. Катаев, хотя и окончил пехотное училище, ранее служил фейерверкером (унтер-офицером) в артиллерии. Так что само по себе назначение на офицерскую должность на бронепоезде не может служить доказательством участия Катаева в белогвардейском подполье в апреле–августе 1919 года. Так что предположение Немировского по-прежнему ждет фактических доказательств.

Всего Катаев во время своего «второго пришествия» в Добровольческую армию воевал около четырех месяцев как против красных, так и против петлюровцев. За это время он мог быть награжден производством, но вряд ли более чем одним. В этом случае Катаев мог закончить гражданскую войну подпоручиком или поручиком (в зависимости от того, признали или нет в Добровольческой армии его производство в подпоручики в 1917-м). В январе 1920 года бронепоезд «Новороссия» был оставлен по приказу командования на станции Тирасполь, а экипаж в составе корпуса генерала Николая Бредова совершил знаменитый переход в Польшу. Но Катаева среди них уже не было. В начале января он заболел сыпным тифом и был помещен в одесский госпиталь. Из-за болезни он не мог эвакуироваться в Крым. Незадолго до эвакуации родители за-

17 Немировский А.А. *Указ. соч.*

брали его из госпиталя домой, что, вероятно, помогло скрыть его службу у белых. В конце марта Катаев был арестован ЧК по делу о так называемом «Заговоре на маяке». В катаевской повести «Уже написан Вертер» (1980) автобиографический герой в этом заговоре действительно участвовал. Заговорщики собирались захватить маяк в момент прихода десанта из врангелевского Крыма, чтобы большевики не могли отключить его, а затем поднять восстание. Судя по всему, этот заговор был чекистской провокацией, на которую попались более ста человек, в большинство своем расстрелянных. Катаева спас его друг, чекист Яков Моисеевич Бельский (Бельский-Биленкин) (1897–1937), при содействии начальника следственно-судной части Одесского губернского военного комиссариата и председателя Военно-следственной коллегии П.П. Туманова¹⁸.

В советское время Катаев иногда, будучи нетрезвым, признавался, что служил у белых офицером. Так, Всеволод Иванов записал в дневнике 19 апреля 1948 года:

«Катаев и Зоценко в Ленинграде. Катаев позвонил: “Миша. У меня есть 10 тысяч, давай их пропьём”. Приехал на одной машине, она ему не понравилась – велел найти “Зис-110”. Нашли. За обед заплатил 1200. Уезжая, вошел в купе и поставил три бутылки шампанского. – Объясняя свое поведение в инциденте с Зоценко, Катаев ему сказал: “Миша. Я думал, что ты уже погиб. А я – бывший белый офицер”»¹⁹.

Надежда Кольшикина вспоминала, как Катаев инструктировал ее мужа, будущего известного переводчика Марата Брухнова, в годы Великой Отечественной войны:

«Перед уходом на фронт Валентин Катаев, знавший Марата, как он говорил, еще до его рождения, посоветовал никогда не шутить при старших по званию: “Если ты пошутил при начальстве и тебя не поняли – пиши пропало. Возненавидят, отомстят и пошлют в такое пекло, что никакой героизм не поможет. И вообще держи язык за зубами”. Кстати, сам Катаев виртуозно владел этим искусством»²⁰.

Валентину Катаеву было что скрывать. Но под конец жизни он все-таки выразил свое подлинное отношение к коммунистам и ЧК в повести о гражданской войне «Уже написан Вертер» (1980), где «красный террор» показан довольно правдиво. Тем не менее Катаев, как и Тихонов, был благодарен Сталину

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЛЫМ БЫЛ – КРАСНЫМ
СТАЛ»: ВАЛЕНТИН КАТАЕВ
И ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

18 Киянская О.И., Фельдман Д.М. *Очерки истории русской советской литературы и журналистики 1920-х – 1930-х годов. Портреты и скандалы*. М.: Форум, 2015. С. 18–21.

19 Иванов В.В. *Дневники* / Сост. М.В. Иванов, Е.А. Папкова. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001 (<https://coollib.net/b/433146-vsevolod-vyacheslavovich-ivanov-dnevniki/read?ysclid=l488bzcrq7546820169>).

20 Шаргунов С.А. *Указ. соч.* С. 337–338.

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЛЫМ БЫЛ – КРАСНЫМ
СТАЛ»: ВАЛЕНТИН КАТАЕВ
И ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

за возрождение российского великодержавия. Близкий к Катаеву писатель Аркадий Львов (Бинштейн) зафиксировал его ксенофобско-имперский отзыв об Украине и украинцах:

«Хохлы [...] не любят не только евреев, они не любят нас, казапов, тоже. Они всегда хотели иметь самостийну Украину и всегда будут хотеть. Нет, – тут же пояснил он, – не думайте, что я к ним что-то имею. У меня даже есть среди них друзья, Збанацкий²¹, например, очень порядочный, интеллигентный человек, но, в общем, я хорошо помню их, особенно по Харькову, где я жил в двадцать первом году. Надо было находиться тогда там, чтобы понять, что такое украинский национализм. Теперь многие думают, что власти в Москве допускали тогда всякие перегибы, а я вас уверяю: никаких перегибов не было, а была просто нормальная реакция на всякие местные выкрутасы. И вообще я плохо понимаю их: что, им плохо живется, они не полные хозяева у себя, на Украине? Даже здесь, в Кремле, они составляют, наверное, половину правительства»²².

Всеволод Иванов. Из чего сделан «Бронепоезд 14-69»

В отличие от Тихонова и Катаева, Всеволод Иванов в Первой мировой войне не участвовал. А вот о характере его участия в гражданской войне полной ясности нет. В автобиографии 1922 года Всеволод Вячеславович писал:

«С 1917 года участвовал в революции. После взятия чехами Омска (был я тогда в Красной гвардии), когда одношاپочников моих перестреляли и перевешали, – бежал я в Голодную Степь и, после смерти отца (казаки думали: я его убил – отец был царелюб, хотели меня усамосудить), дальше за Семипалатинск к Монголии. Ловили меня изредка, потому что приходилось мне участвовать в коммунистических заговорах. Так от Урала до Читы всю колчаковщину я скитался, а когда удалось мобилизовать, то прикомандировали меня, как наборщика, к передвижной типографии Штаверха. Паспорт у меня был фальшивый: “Евгений Тарасов”»²³.

В 1928 году в справочнике «Писатели современной эпохи», составленном во многом со слов самих писателей, об участии Всеволода Иванова в гражданской войне говорилось немного подробнее:

21 Григорий (Юрий) Олиферович Збанацкий (1914–1994) – украинский писатель, бывший командир партизанского соединения имени Щорса.

22 Львов А.Л. *Простота неслыханной ереси (Необходимое дополнение к исповеди В. Катаева «Алмазный мой венец»)* // *Время и мы*. 1979. № 40. С. 170.

23 *Всеволод Иванов* // *Литературные записки*. 1922. № 3. 1 августа. С. 26.

«В Омске был корректором и зав. ин. отд. Губисполкома. Участвовал в войне Колчака с большевиками (был мобилизован в белую армию). Взят был в плен близ станции “Тайга”, где чуть не расстрелян партизанами. Позднее едва не умер в вагоне от тифа. В Ново-николаевске руководил работами (зимой) по закапыванию в землю 40.000 белых солдат, убитых и замерзших. Потом опять странствовал от Иркутска до Урала»²⁴.

21 октября 1939 года Всеволод Иванов в письме Сталину казался в своих прегрешениях периода гражданской войны:

«В 1918 году я был членом партии с.-д.-интернационалистов (группа “Новая жизнь”) в гор. Омске, будучи одновременно рабочим-наборщиком. Политическое мое развитие тогда стояло на чрезвычайно низком уровне, достаточно сказать, что в марте 1917 года, когда произошел переворот, представители двух партий, меньшевики и эсеры, в гор. Кургане предложили мне вступить в партию, то я, чтобы не обидеть знакомых, сразу вступил в обе партии, не видя между ними никакой разницы. Теперь это может прозвучать остроумно, но тогда я не острил. И так, в 1918 году, при наступлении чехов, я вступил вместе с членами с.-д.-интернационалистов в Красную гвардию и сражался до отхода советских войск из Омска. Меня забыли на охране пороховых складов. Я уехал в поселок, но вынужден был оттуда бежать, так как мой брат, случайно, убил отца и казаки обвиняли меня в убийстве, так как мой отец был монархист, а про меня они знали, что я бывший красногвардеец. Я вернулся в Омск и поступил в типографию. Я долго мучился, ожидая ареста. Однажды, уже осенью 1919 года, ровно, пожалуй, двадцать лет назад, меня на улице Омска встретил типографщик и редактор кадетской газеты в Кургане Татаринев, у которого я когда-то конфисковал типографию, схватил меня за руку и кликнул полицейского. Я ударил его слегка по уху, он упал. Я скрылся. Я пошел к своему знакомому, сибирскому писателю А. Сорокину, и тот предложил мне поступить в типографию “Вперед”, выпускавшую такую же, под тем же названием, колчаковскую газетку. Я поступил туда, будучи представлен редактору как писатель-наборщик. Газетка выходила в количестве 500 экзмп. Не подумайте, что малым тиражом пытаюсь снизить свою вину. Она так же громадна и так же мучит меня эти двадцать лет, как если б я писал в “Тан” или “Тайме”. Словом, редактор попросил написать ему рассказ, затем статью. Я не хотел показывать ему, что не хочу или что я бывший красный, да и по совести говоря, я устал и замучился. К тому же и семейная моя жизнь была не сладка. Словом, я написал в эту газетку несколько статей, антисоветских, и один или два рассказа. Позже, в этой же типографии, я сам набрал и напечатал книжку своих рассказов, но ни одной статьи и рассказа из тех, о которых я говорю, я не включил. Это легко проверить, так как эта книжка у меня имеется. И опять-таки я не хочу этим снижать своей вины,

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЛЫМ БЫЛ – КРАСНЫМ
СТАЛ»: ВАЛЕНТИН КАТАЕВ
И ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

24 Писатели современной эпохи. Био-библиографический словарь русских писателей XX века. / Под ред. Б.П. Козьмина. М.: ДЭМ, 1991. Т. 1. С. 246, 136.

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЛЫМ БЫЛ – КРАСНЫМ
СТАЛ»: ВАЛЕНТИН КАТАЕВ
И ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

а просто указываю на то, что я и тогда чувствовал свое паденье. Больше за мной никаких антисоветских поступков не числится»²⁵.

Но, как кажется, Всеволод Иванов покаялся не во всех своих грехах, утаив главный из них. Одно дело – печатать в колчаковских и других белогвардейских газетах антисоветские статьи. Этим занимались почти все те будущие советские писатели, которым пришлось сколько-нибудь длительное время находиться на контролируемых белыми территориях. Голод не тетка, и, если другой профессией, кроме литературной, писатели не владели, приходилось писать в белогвардейские газеты, так как это порой становилось единственным способом добыть пропитание себе и семье. Советская власть за это строго не наказывала, а часто вообще не наказывала. Например, Самуил Маршак, оказавшись в Екатеринодаре при Деникине, печатал антисоветские и даже антисемитские стихи и фельетоны под псевдонимом «Доктор Фрикен», но впоследствии ему это никогда не ставили в вину²⁶. Сошел с рук даже антисемитский фельетон «Два комиссара»²⁷.

Жили-были два “наркома”,
Кто не слышал их имен?
Звали первого Ерема,
А второго – Соломон.

Оба правили сурово,
Не боясь жестоких мер.
У того и у другого
Был в кармане револьвер.

Не повезло лишь некоторым писателям, слишком активно сотрудничавшим с белой пропагандой. Так, Сергей Ауслендер (1886–1937) в 1918–1919 годах служил в Омске пресс-секретарем Верховного правителя России, адмирала Колчака, был автором его официальной биографии. В 1922 году один из руководителей ВЧК/ОГПУ Вячеслав Менжинский его простил и позволил легализоваться. Но в 1937 году Ауслендера расстреляли по обвинению в «контрреволюционной агитации», припомнив старые грехи²⁸. Однако в подавляющем большинстве случаев работа в белой печати сама по себе не считалась преступлением.

Вот только у Всеволода Иванова, как представляется, в прошлом была не только служба в белой печати. Вновь обратимся к его автобиографии 1922 года:

25 Иванов В.В. *Указ. соч.*

26 См.: Вьюгин В.Ю. *Политика поэтики: очерки из истории советской литературы*. СПб.: Алетейя, 2014. С. 195–229.

27 Утро Юга. 1919. 14 (27) марта.

28 Сергей Абрамович Ауслендер // *Жертвы массового террора, Бутовский полигон НКВД, 1937–1938 гг.* (www.sinodik.ru/?q=био&id=78349).

«Когда поезд окружили партизаны, комендант поезда прапорщик Малиновский сказал мне:

– Давай свою шинелишку, а сам мою бобровую шинель возьми. Я побегу, тут в сторону дорога открыта.

Я отдал. Прапорщик не убежал, и в полуверсте его зарубили. Подошли партизаны (в белых халатах – чтоб на снегу не заметно), старичка-генерала какого-то пристрелили у вагонов, мичмана с отмороженным ухом и человек тридцать добровольцев, выданных железнодорожниками»²⁹.

Иванова же взяли в плен, но потом отпустили благодаря заступничеству одного из его знакомых.

Судьба прапорщика Малиновского оказалась гораздо более счастливой, чем она представлялась писателю Всеволоду Иванову в 1922 году. В автобиографии Родиона Малиновского, будущего Маршала Советского Союза, а тогда комбрига, написанной 28 декабря 1938 года, говорилось:

«Дальше Омска было трудно пробираться – поезда ходили только воинские, лед на Иртыше ломали, через несколько дней, когда уже Петропавловск был взят Красной армией, я на рассвете пробрался через Иртыш перед проходом ледокола и пошел по целине, по снегу, держась телеграфных столбов железной дороги на зрительное расстояние, по дорогам идти нельзя было – по ним тянулись бесконечные колонны отступающих колчаковцев, пройдя весь день и ночь, на другой день к вечеру я совершенно выбился из сил и выбрался на дорогу, к этому времени уже опустевшую от колчаковских колонн. Немного пройдя по дороге, я наткнулся на разведку 240 Тверского стрелкового полка 27-й дивизии, был остановлен и обыскан, разведчики нашли у меня в кармане Французский военный крест (за бои в 1918 г. я был трижды награжден Французским Крестом де Гер) с мечами, вот в этих мечах и все заключалось, разведчики посчитали, что я не солдат, а офицер, потому что солдатам никогда не давали крестов с мечами, и решили просто меня расстрелять, кстати, недалеко от дороги были кусты. “Тащи его в кусты, и крышка”, – слышал я возгласы. Мной овладела сильная обида и злость, и я стал так сильно ругаться, как никогда не ругался, в это время один из разведчиков подал голос: “А то, ребята, давайте доведем его до штаба”. А ему в ответ: “Охота тебе с ним возиться, ну, и веди”, – так меня этот разведчик довел до ближайшего села, в котором расположился штаб батальона на ночлег. Командир б-на выслушал меня и позвал доктора, чтобы тот как ученый человек проверил мои французские документы, доктор проверил их и подтвердил, что документы на самом деле французские – это солдатская книжка и продовольственный аттестат, выданный в Марселе при погрузке на пароход, – они у меня и сейчас есть»³⁰.

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЛЫМ БЫЛ – КРАСНЫМ
СТАЛ»: ВАЛЕНТИН КАТАЕВ
И ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

29 Литературные записки. 1922. № 3. 1 августа. С. 26.

30 Родион Яковлевич Малиновский (Автобиография) // Военно-исторический журнал. 1990. № 4. С. 15.

При таких обстоятельствах Родион Малиновский в ноябре 1919 года поступил в Красную армию.

Ни Всеволод Иванов, ни Малиновский всей правды в автобиографиях не писали. Начнем с того, что партизаны белых маскировочных халатов не носили, это скорее признак регулярной Красной армии, с которой и столкнулись Иванов с Малиновским. Последний определенно пишет в автобиографии, что наткнулся не на партизан, а на красноармейцев.

Малиновский действительно служил во французском Иностранном легионе уже после того, как Русский экспедиционный корпус во Франции был расформирован. Об этом он в автобиографии 1938 года сообщил, но утверждал, что закончил службу там командиром пулемета. В действительности же Малиновский закончил службу там командиром пулеметного взвода. Во французской армии тогда эта должность была сержантской, а вот в русской армии – офицерской. Тот факт, что он служил прапорщиком в колчаковской армии, Малиновский успешно скрывал почти всю свою жизнь. Лишь в 1954 году первая жена маршала Лариса Николаевна Шарабарова (Малиновская) написала донос председателю Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР Николаю Швернику, где указывала, что отцом Малиновского был не безвестный сапожник, а жандармский полковник Яков Бургонь (в действительности – одесский полицмейстер, полковник, а при выходе в отставку – генерал-майор армейской пехоты Яков Иванович Бунин) и что Малиновский вместе с Георгиевским крестом получил первый офицерский чин, то есть прапорщика³¹. Последнее тоже соответствовало действительности, так как 4 сентября 1919 года представитель адмирала Колчака во Франции, генерал Дмитрий Щербачев, издал приказ о награждении солдат Русского легиона. Среди них был и ефрейтор Родион Малиновский, удостоенный Георгиевского креста 3-й степени³². В 1920 году Малиновский написал пьесу «Подвиги жизни» – о Ле-Куртинском восстании Русского экспедиционного корпуса во Франции в июне–сентябре 1917 года и о последующем участии автобиографического героя Петра Степина в гражданской войне. Действие пятой картины пьесы разворачивается в Сибири, через два года после Ле-Куртинского восстания, в последние месяцы 1919-го. Степин и его товарищ, солдат Скворцов, так же настроенный пробольшевистски, прибывают в армию Колчака в потрепанном обмундировании, характерном

31 Жиринов Е. *Произошел. Увидел. Победил* // Коммерсантъ Власть. 2006. № 40. 8 мая. С. 60 (www.kommersant.ru/doc/671733). Никаких последствий для Малиновского этот донос не имел, возможно, из-за того, что маршал в тот момент был близок к Хрущеву.

32 Попова С.С. *Боевые награды Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского* // Военно-исторический журнал. 2004. № 5. С. 31.

для освобожденных из германского плена. Они предъявляют документы, что являются офицерами, хотя и представляются чужими фамилиями:

«Явление 4-е. Те же и прапорщик Оглоблин.

Степин: Очень приятно. Я агент особого отряда контрразведки. Сотник Ордынцев. А вот мой коллега (указывает на Скворцова) того же отряда, корнет Блоуфель (Степин подает два документа).

Оглоблин (берет под козырь): Извиняюсь, господин сотник!»

Степин и Скворцов оказываются в запасном батальоне, там убеждают солдат перейти к красным партизанам, уверяя, что сами они «и есть настоящие красные», а их офицерские документы подложные. Степин убивает колчаковского офицера, который пытается им помешать³³.

В пьесе Малиновский наградил автобиографического героя пролетарским происхождением, участием в Ле-Куртинском восстании и пробольшевицким настроением. Автор же пьесы пролетарского происхождения не имел, в Ле-Куртинском восстании не участвовал, так как в это время лежал в госпитале, и большевикам не сочувствовал, так как служил в колчаковской армии. Но сцены с офицерскими документами, как представляется, имеют некоторые основания в реальности. Среди сослуживцев Малиновского в Красной армии могли распространяться слухи о том, что он офицер, и пьеса должна была доказать, что его офицерство было притворным.

Родион Малиновский написал также неоконченный автобиографический роман о своей юности и участии в Первой мировой войне, который издавался под названиями «Солдаты России» и «Первая память». В последнем издании была впервые опубликована заключительная глава о прибытии автобиографического героя, солдата Вани Гринько, во Владивосток и последующего путешествия по Сибири осенью 1919 года³⁴. Замечу, версия автобиографии и романа о том, что Малиновский мог добраться от Владивостока до Омска, имея только документы Иностранного легиона на французском языке, не выдерживает никакой критики. По всей вероятности, Малиновский имел офицерские документы, но либо уничтожил их, либо оставил в шинели, которую отдал Всеволоду Иванову. В последней главе «Первой памяти» Гринько, хотя и является рядовым, спокойно посещает казино, предназначенное только для офицеров, что можно расценить как скрытое указание на офицерство Малиновского. А в финале Гринько сталкивается с конным разъездом красных, что подтверждает убежденность Иванова в том, что прапорщик Малиновский мог быть именно зарублен, а не застрелен.

33 Рукопись пьесы хранится в домашнем архиве Натальи Родионовны Малиновской.

34 Малиновский Р.Я. *Первая память. Автобиографический роман*. М.: Новый хронограф, 2016. С. 611–633.

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЛЫМ БЫЛ – КРАСНЫМ
СТАЛ»: ВАЛЕНТИН КАТАЕВ
И ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

Малиновский по роду своей военной профессии был начальником пулеметной команды белого бронепоезда. Товарищ Всеволода Иванова, Николай Иванович Анов (1891–1980), тоже писатель и тоже Иванов (Анов – это псевдоним), бывший с ним в Омске, в мемуарах свидетельствует, что, когда в 1917 году в Омске большевики брали власть, Всеволод служил в красной гвардии именно в пулеметном отряде³⁵. Так что он вполне мог служить в пулеметной команде Малиновского. А поскольку Всеволод Иванов не участвовал в Первой мировой войне (скорее всего был освобожден от призыва по зрению), то служить на бронепоезде он, по всей вероятности, пошел добровольно. Кстати сказать, Анов подтверждает знакомство и тесные связи Всеволода Иванова с упомянутым Сергеем Ауслендером и служившим в колчаковской армии поэтом Георгием Масло-вым, что само по себе может свидетельствовать о тогдашней политической ориентации будущего автора классической соц-реалистической повести «Бронепоезд 14-69»³⁶. Что же до расстрелянного красными мичмана, упомянутого в автобиографии 1922 года, то он мог быть начальником артиллерии бронепоезда (у белых на бронепоездах артиллеристами часто служили морские офицеры).

Если гипотеза о службе Всеволода Иванова на бронепоезде верна, то Малиновский мог послужить прототипом одного малосимпатичного персонажа «Бронепоезда 14-69» – прапорщика Обаба. Описание внешности Обаба: «упадая коротко стриженной головой в огромные, как степные дороги, плечи»³⁷ – очень напоминает портрет Малиновского. Как и будущий маршал, Обаб «из выслужившихся добровольцев»³⁸. Интересно, что с этим персонажем постоянно ассоциируются синие французские обмотки, которые имеются у одного из солдат бронепоезда. У Малиновского же такие обмотки остались от службы в Иностранном легионе.

В середине октября 1919 года советские войска Восточного фронта, отразив контрнаступление колчаковской армии, перешли в наступление на Петропавловск и столицу Колчака, Омск, взятый практически без боя 14 ноября. В ожесточенных боях за Петропавловск 30-го и 31 октября принимали участие два бронепоезда Сибирского казачьего войска – «Тагил» и «Забияка», впоследствии захваченные красными³⁹.

О возникновении замысла повести «Бронепоезд 14-69» Всеволод Иванов писал в автобиографии 1959 года:

35 Не исключено, что в действительности это произошло уже в 1918 году.

36 Анов Н. И. *На литературных перекрестках. Воспоминания*. Алма-Ата: Жазушы, 1974. С. 38–39, 53–54.

37 Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: *Контексты эпохи* / Сост. Е. А. Папкина, под ред. Н. В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 10.

38 Там же. С. 42.

39 Шулдяков В. А. *Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920*. М.: Центрполиграф, 2004. Т. 1. С. 500.

«Однажды весной 1921 года я приехал на пригородную станцию [Петрограда. – Б.С.], чтобы прочитать очередную лекцию о Льве Толстом команде бронепоезда. Не знаю, видел ли я прежде когда-либо бронепоезд. Во всяком случае эта громада, окрашенная в защитный цвет и стоявшая в тупике, поразила меня. [...] Когда лекция окончилась, командир завел речь не о творчестве Льва Толстого, а о том, как действовал на Украине бронепоезд во время гражданской войны. Речь его вызвала воспоминания среди бойцов, и, когда я вернулся на перрон вокзала, стало понятно, почему с таким потрясенным сердцем я глядел недавно на бронепоезд.

Вспомнился номер сибирской дивизионной красноармейской газеты – две крошечные страницы желтовато-бурой оберточной бумаги. Здесь я впервые прочел о бронепоезде 14-69. Я не утверждаю, что бронепоезд шел именно под этими цифрами – может быть, цифры паровоза были совсем другими, может быть, даже он назывался “Тремящий”, “Полярный”, “Разящий”. И не помню, было ли в газете официальное сообщение о подвиге партизан, очерк или просто отчет о митинге, – помню, было что-то короткое и вместе с тем потрясающе героическое!

Судите сами.

Отряд сибирских партизан, вооруженный только берданками и винтовками, захватил блиндированный бронепоезд белых вместе с его орудиями, пулеметами, гранатами и опытной командой! Для того, чтобы хоть на мгновение остановить мчащийся бронепоезд, партизан Син Бин-у, один из тех кули, которых царское правительство во множестве наняло и увезло на фронт для окопных работ, китаец лег на рельсы и был раздавлен бронепоездом. Машинист на секунду высунулся из паровоза, чтобы взглянуть на рельсы, на которых лежал китаец, и тотчас же был застрелен партизанами! Бронепоезд – один в тайге. Партизаны разобрали вокруг него рельсы и дымом “выкурили” команду.

Мне вспомнились одна за другой подробности захвата бронепоезда, которые я слышал от раненых красноармейцев и партизан.

И решил писать о западносибирских партизанах!

Я стал часто ездить на пригородную станцию в бронепоезд, чтобы читать лекции. Одновременно я узнавал специальное – термины, команду, – я ведь никогда не служил в армии, а несколько недель моего пребывания в Красной гвардии не сделали меня таким уж большим знатоком военного дела»⁴⁰.

Здесь Иванов всячески стремится убедить читателей, что детали, связанные с бронепоездом времен гражданской войны, знает исключительно по литературным и устным источникам, а не из личного опыта. Однако есть основания полагать, что у него был опыт пребывания на белом бронепоезде и участия на нем в боях. Тем более, что газетную заметку, на которую он ссылается, разыскать так и не удалось.

40 Иванов Всеволод Вячеславович // Советские писатели. Автобиографии: В 2 т. М.: ГИХЛ, 1959 (www.detskiysad.ru/raznlit/avtobiografia_ivanov.html).

В автобиографиях и воспоминаниях Всеволод Иванов утверждал, будто бы он вместе с вагоном газеты «Вперед» добрался до станции Ояш (или до станции «Тайга») в конце декабря 1920 года. Там его остановили партизаны или красноармейцы («На станции Ояш мы, наконец, встретили партизан») ⁴¹. Однако последняя публикация Иванова в этой газете вышла еще 16 октября под названием «“Ходи” и “капитана”» и под псевдонимом «Иван Лыков». 20 октября он также участвовал в вечере в городском театре Ишима, устроенном драмкружком газеты «Вперед». После этого никаких связей будущего автора «Бронепоезда 14-69» с газетой «Вперед» не прослеживается. Последние публикации Иванова в белогвардейской печати появились 4-го и 5 ноября в газете Сибирского казачьего войска «Сибирский казак». Это был очерк «У черты (Очерк фронта)» под псевдонимом «Вс. Тараканов» ⁴².

Напрашивается предположение, что после 20 октября, в последние недели перед захватом Красной армией колчаковской столицы Омска, Всеволод Иванов работал уже не в газете «Вперед», а в «Сибирском казаке» (сам писатель был из сибирских казаков, и речь шла об обороне его родных мест). Тогда Омск защищали главным образом части сибирских и оренбургских казаков, так как большинство остальных частей колчаковской армии уже утратили боеспособность. Вполне возможно, что редакция «Сибирского казака» помещалась в одном из двух бронепоездов сибирских казаков, действовавших под Омском. В этом случае Всеволод Иванов вполне мог познакомиться с прототипом своего «Бронепоезда 14-69» и даже принять участие в последних боях как боец пулеметной команды бронепоезда. Нет никаких данных, кроме сообщений самого Иванова о том, что он действительно отступил на восток от Омска вместе с остатками колчаковской армии. Анов сообщает:

«На другой день после прихода Красной армии в Омск мы уже выпускали “Известия Омского ревкома”. “Известия ревкома” существовали недолго. Из Петропавловска приехала редакция “Советской Сибири” во главе с Ем. Ярославским. Я стал работать там выпускающим. Через месяц я свалился от сыпного тифа, и мое место выпускающего “Советской Сибири” занял Всеволод Иванов» ⁴³.

Анов ни разу не упоминает, что к моменту вступления красных в Омск Всеволод Иванов в городе отсутствовал; более того, как мы видим, он пишет, что уже в середине декабря Иванов сменил его на посту выпускающего редактора «Советской Си-

⁴¹ Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: Контексты эпохи. С. 358, 715.

⁴² Там же. С. 714.

⁴³ Анов Н. И. Указ. соч. С. 50.

бири». Вряд ли он успел бы к этому времени добраться до Омска со станции Ояш, если поезд газеты «Вперед» был там захвачен красными в конце декабря. Кроме того, Всеволод Иванов смог утаить свое сотрудничество в колчаковской печати, иначе его не назначили бы на такую должность. Наиболее вероятной представляется версия, что после захвата бронепоезда красными Всеволод Иванов добрался до Омска и там встретил их приход.

Не знаю, свиделись ли еще когда-нибудь Малиновский и Иванов. Маршал вряд ли запомнил Иванова по 1920 году. Но в годы Великой Отечественной войны, когда Малиновский стал командующим фронтом, его портрет публиковали в газетах, и Всеволод Вячеславович мог узнать своего командира. Так что впоследствии они чисто теоретически могли встретиться в Москве и обсудить чудесное спасение Малиновского, казалось бы, от верной смерти.

Итог

Свои произведения, посвященные гражданской войне, Катаев («Уже написан Вертер»), и Всеволод Иванов («Бронепоезд 14-69») написали, главным образом используя свой белогвардейский опыт. В боях на стороне красных ни один из этих писателей, как и Николай Тихонов, не участвовал (а Всеволод Иванов никогда не был у красных партизан). Валентин Катаев и Всеволод Иванов в гражданскую войну сражались с красными. Правда, у Иванова этот этап был очень коротким и исчислялся немногими неделями или даже днями. Поддерживать «политику партии и правительства» Катаев и Иванов стали из-за конъюнктурных соображений, в душе относясь к этой политике весьма критически. Необходимость подобного отказа от убеждений приводила их, как и в случае Тихонова, к тяжелому пьянству. 17 сентября 1942 года Всеволод Иванов записал в дневнике:

«Фадеев и Катаев пьют без просыпа: пространства для производства водки-то им хватит. Катаев пьет так, что даже Фадеев должен был ему посоветовать уехать на время: “А то за тобой уже посматривают”»⁴⁴.

Если уж прославившийся своим алкоголизмом Александр Фадеев просил Катаева умерить пыл, то это говорит о многом. О пьянстве Катаева сохранилось немало свидетельств. Вера Николаевна Муромцева, жена Бунина, 15 августа 1946 года за-

⁴⁴ ИВАНОВ В. В. *Указ. соч.*

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЛЫМ БЫЛ – КРАСНЫМ
СТАЛ»: ВАЛЕНТИН КАТАЕВ
И ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

писала в дневнике, что третья жена писателя Константина Симонова, актриса Валентина Серова, рассказывала «о Вале Катаеве»:

«Он иногда запивает на 3 дня. То не пьет, не пьет, а затем, кончив повесть, статью, иногда главу, загуливает. Я думаю, что он несколько иначе все воспринимает, чем они, вот и тянет забыться. Все-таки он почти четверть века дышал нашей культурой»⁴⁵.

Юрий Юшкин писал:

«Последняя жена [Катаева] бегала от его пьяных побоев в писательском доме № 17 по Лаврушинскому переулку, скрываясь за первой открывшейся дверью; подлинность же этого не вызывает сомнения, ибо об этом мне рассказывала вдова Всеволода Иванова – Тамара Владимировна (в свое время бывшая женой И. Бабеля), которая не раз давала приют у себя (в квартире 42) жене Катаева (из квартиры 43)»⁴⁶.

Об этом же – в воспоминаниях Михаила Викторовича Ардова, который цитирует Фадеева:

«Катаев зашел ко мне на дачу, мы с ним крепко выпили, но нам спиртного не хватило. И хотя была глубокая ночь, мы стали ходить по соседним дачам и просить водку взаймы. И нам ее всюду давали, потому что хозяева очень боялись, что мы у них останемся».

И тот же Ардов приводил мнение своего отца, Виктора, именно с пьянством связывавшего позднее вступление Катаева в партию – в 1958 году: «Катаеву уже за шестьдесят: врачи запретили пить, по дамской части он уже не ходок... Значит, теперь “аморалку не пришьют”, а поощрения будут, и немалые»⁴⁷. Конечно, главной причиной вступления Катаева в партию было его назначение главным редактором журнала «Юность». На такой должности партийность была необходима. Но правда и то, что в послесталинские времена на бытовые пороки высокопоставленных номенклатурных работников уже во многом смотрели сквозь пальцы. В частности, Александру Твардовскому пьянство, еще более тяжелое, чем катаевское, никто не ставил в вину.

В пьяном виде писатели иногда говорили вещи запретные. Всеволод Иванов 6 июня 1942 года записал в дневнике:

«Пошел в гости к генеральше Т., пил и зверски напился. Произносил речи, в которых проскальзывало иногда уничтожение цензуры

⁴⁵ Устами Буниных. Т. 2. С. 257.

⁴⁶ Юшкин Ю.Б. *Из чего и как сплетал «Венец» Катаев...* // С.А. Есенин. *Жизнь моя, или ты приснилась мне...* (<https://esenin.ru/o-esenine/vospominaniia/iushkin-iu-iz-chego-i-kak-spletal-venec-kataev?>).

⁴⁷ Ардов М.В. *Вокруг Ордынки. Портреты. Новые главы* // Новый мир. 2000. № 5 (https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2000/5/vokrug-ordynki-3.html).

и Союза писателей. Генеральша, очень милый человек, но страшно боящаяся, как бы писатель “не отколол чего-нибудь”, глядела на меня испуганными глазами»⁴⁸.

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЛЫМ БЫЛ – КРАСНЫМ
СТАЛ»: ВАЛЕНТИН КАТАЕВ
И ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

Как мы видим, ни Всеволод Иванов, ни Тихонов с Катаевым не были исключением – классики соцреализма, особенно скрывавшие свои предыдущие политические убеждения и факты биографии, в сталинское время (и позже) пили много, пытаясь примириться с обстоятельствами жизни и карьеры, которую они сами себе выбрали. Сам же сюжет трансформации «белого» военного опыта в образцовых произведениях соцреализма требует, как нам кажется, особого внимания литературоведов. Что до цены, которую Иванов, Тихонов и Катаев (и немало других советских писателей) заплатили за возможность сделать карьеру официального классика, то она была дорогой – и дело не только в пьянстве, но прежде всего в сознательном отказе от собственных представлений о том, как и о чем следует писать, что удручающим образом сказалось на качестве их литературной продукции.

P.S.

Уже после того, как работа над первой статьей цикла (о Николае Тихонове) была закончена, мне удалось обнаружить в сборнике «Памятка ливенца» фотографию «Сторожевой пост ливенской дивизии, расположенный под дер. Килли» (эта деревня ныне относится к Кингисеппскому району Ленинградской области). Впоследствии она была опубликована⁴⁹. Как мне кажется, запечатленный здесь на заднем плане высокий офицер, который держит в кармане правую руку, – это Тихонов. Тогда данная фотография может служить подтверждением, что в Северо-Западной армии поэт служил в рядах 5-й Ливенской дивизии.

Теоретически кто-нибудь из сотрудников ОГПУ/НКВД мог бы опознать на фотографии Тихонова. Но риск такого развития событий был небольшой. Нет уверенности, что сборник «Памятка ливенца» вообще попал в СССР до Второй мировой войны. Но, даже если попал, вряд ли бы кому-нибудь пришло в голову искать Тихонова на опубликованных там фотографиях. Да и качество фотографии невысокое, поэтому со стопроцентной уверенностью идентифицировать на ней Тихонова нельзя.

⁴⁸ ИВАНОВ В.В. *Указ. соч.*

⁴⁹ *Белая Россия 1917–1922. Фотоальбом* / Под ред. В.Ж. Цветкова, Б.С. Пушкарева. М.: Посев, 2003. С. 256.

БОРИС СОКОЛОВ

«БЕЛЫМ БЫЛ – КРАСНЫМ
СТАЛ»: ВАЛЕНТИН КАТАЕВ
И ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

*Илл. 1, 2. Фотография
«Сторожевой пост
ливенской дивизии,
расположенный под
дер. Килли» с – предпо-
ложительно – Николаем
Тихоновым на заднем
плане и его же более
поздняя фотография.*

А еще в «Памятке ливенца» удалось найти написанный в 1919 году по образцу «Марша александрийских гусар» «Марш ливенцев», где есть один очень красноречивый куплет⁵⁰:

Лишь двинутся наши отряды,
Коммуна от страха бежит,
И нет ей, проклятой, пощады,
Попался – так значит, висит.

В свете этого можно предположить, что ругался с комиссарами Николай Тихонов примерно таким образом: «Попался, сволочь краснопузая! А ну, ребята, тащи его вон на тот сук!»

50 СЕВЕРИН А. *Марш ливенцев // Памятка ливенца. 1919–1929.* Рига, 1929. С. 149.